

ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ ПОЭЗИИ ИННЫ КАШЕЖЕВОЙ В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ»

Алхасова Светлана Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alkhas55@mail.ru

Целью статьи является изучение стадий развития творческого пути Инны Кашежевой в контексте тенденций отечественной литературы середины 50-х и конца 60 гг. XX в., эпохи «оттепели» и ее последующих этапов. Рассматриваются вопросы развития творчества поэта в художественно-эстетическом измерении и его связи с традиционной символикой народов Кавказа. Подчеркивается, что, как следствие пражских событий 1968 г. («пражская весна»), в конце 60-х годов и начале 70-х годов исчезли романтические надежды нового поколения российских поэтов; для многих деятелей культуры эти события стали их личной трагедией, и положили конец «оттепельной» эйфории. Поднимается проблема общественных и духовных запросов эпохи рубежа 50–60-х гг. и их преломления в искусстве и литературе. Показано, что поэты «шестидесятники» в своем творчестве во весь голос заявили о духовном пробуждении России, о возрождении традиций «серебряного века» в русской культуре. В статье впервые определены основные мотивы и идейно-художественные особенности поэзии Инны Кашежевой.

Ключевые слова: Инна Кашежева, лирический поэт, период «оттепели», идеи времени, эстетическое сознание, литературный процесс.

В 60-е годы XX столетия в литературном процессе многонационального Советского Союза произошло немало перемен. Бесспорно, что переломные исторические события той эпохи определили основные художественные тенденции, эстетическое сознание, идеи времени, которые в свою очередь нашли последующее отражение в литературе, и особенно в поэзии. Учитывая, что в данный период произошли такие знаковые события, как XX съезд КПСС и трагические события в Праге весной 1968 года, то период «оттепели» относят к 1956–1968 годам. Вместе с весьма неоднозначными пражскими событиями 1968 г. («пражская весна») в конце 60-х годов и к началу 70-х годов романтические надежды нового поколения рухнули; для многих писателей и поэтов эти события стали их личной трагедией, и положили конец «оттепельной» эйфории.

Подъем общественных и духовных сил творческой интеллигенции, который начался на рубеже 50–60-х гг. и проявлялся во всех областях искусства, позволял современникам говорить о духовном пробуждении России, о возрождении традиций «серебряного века» в русской культуре и литературе. Для определения временного отрезка середины 1950-х – конца 1960-х гг., как исторического этапа, существенно наличие уникальной идейно-эстетической парадигмы духовных исканий русской интеллигенции второй половины XX столетия. Понятно, что новые законы отражения реальности произошли не вдруг и не сразу. Предчувствия наступающих перемен появились в поэзии еще в первые послевоенные десятилетия в стихах поэтов – «шестидесятников», а также в поэзии самой молодой из них – Инны Кашежевой:

*Оглянусь в незнакомое время,
напрягаясь до боли в висках.
Будут падать года и мгновенья
зримо, словно в песочных часах.
Отменяю все «поздно» и «рано»,
предъявляю свой пропуск в «сейчас»...*

Так писала Кашежева в стихотворении «Оглянусь в незнакомое время...» [Кашежева 2014: 98].

Вторая половина XX столетия, и особенно период «оттепели»*, представляя собой относительно целостный и завершённый историко-литературный этап, определяющийся такими важными критериями, как изменяющийся мир и человек в этом мире. Такая тенденция отразилась в поэзии «шестидесятников». На фоне перемен на литературную арену вышли известные поэты – «шестидесятники» Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Бэлла Ахмадулина, Роберт Рождественский, Лев Анненский, Инна Кашежева и др.

В то время, как в литературной среде «шестидесятников» кипели нешуточные страсти, а нравы были достаточно вольные, в развитии кризиса общего литературного процесса, в поэзии в том числе, появились робкие и половинчатые сомнения в справедливости тоталитарного общества и лежащей в его основании коммунистической идеологии. Сдвиги в общественном сознании, публичное выражение взглядов «на аренах стадионов» (А. Вознесенский), естественно, нашли преломление в идейно-эстетических парадигмах поэтов достаточно ярко. Так произведения словесного искусства данного периода традиционно стали обозначаться понятием «оттепели»:

*Какая-то на сердце тяжесть,
а я не пойму отчего.
Как будто из пропасти тянешь,
да только совсем не того.
Какая-то на сердце смута,
а вот отчего, не пойму.
Как будто ты нужен кому-то,
да вот неизвестно – кому.
Но скоро наступит минута,
внезапной догадкой слепя:
Ты нужен себе, не кому-то,
и вытащить хочешь себя [Кашежева 2014: 104].*

Любая писательская деятельность стимулируется, помимо созидательно-эстетического импульса, и внехудожественными факторами, к которым принято относить психологический, житейско-биографический опыт и, конечно же, культурно-исторический контекст творчества автора:

*И снова еду наугад,
маршрут по сердцу проверяю,
свое волненье предъявляю
на въезд в открытый Ленинград...
В испуге распахнув глаза,
как будто перед человеком
Перед давно минувшим веком
Я жму вожью на тормоза.*

* Период «оттепели» – с учетом особенностей в истории социальной, культурной и художественной жизни России с достаточной долей условности можно выделить три периода (границы относительны): «оттепель» (1956–1968-е гг.); «период застоя» (1970-е – середина 1980-х гг.); «постсоветский (посткоммунистический) период» (середина 1985-х – 1990-е – 2000 гг.).

*И вижу сквозь овал окна:
Остановился мотороллер...
Дорога, словно моартиролог,
Все повторяет имена.
Как бронзово они звучат
В глаголе «будут!», а не «были»...»
И все вокруг автомобили
Непроизвольно тормозят [Кашежева 2014: 103].*

Как замечает Юрий Лотман, «являясь описанием самого стабильного, казалось бы, закрепленного в своей неподвижности фактора нашей ойкумены, география наиболее чутко реагирует и на самые различные аспекты социально-культурной истории» [Лотман 1997].

Собственную биографию Инна Кашежева рассказывает, как и подобает поэту, – тонкими лирическими строчками: «Отец мой – суровый горец, Глаза ледяной росы. А мама из нежных горлиц, Возвращенных на Руси». Чего нет в стихах, того словно бы не существует, даже дата рождения неточна. Огорчаться ли? Или принять символическое, по Маяковскому: «Я – поэт. Этим и интересен».

«Забытая поэтесса. Знаменитая Кашежева. Когда-то самая молодая звезда эстрадной поэзии. Песни на ее стихи с утра до ночи крутили по радиостанции «Юность». Ее пластинки и книги выходили немислимыми, по сегодняшним меркам, тиражами. Она ворвалась в русскую поэзию буквально на розовом коне, но подростком в школьном фартуке» [Дерико 2012].

Очень часто Кашежева обращается к прошлому и настоящему. В стихах она как бы ведет диалог со временем, поэтесса пытается подчинить себе пространство, уходит мыслями в XIX столетие. Там, в прошлом, Инна находит свое место, живет утраченными ценностями и жаждет вернуть их в свою современность:

*...Споткнулась о святой порог
Цивилизации резина...
Здесь умер Пушкин. Умер Блок.
Здесь родилась моя Россия [Кашежева 2014: 103].*

*О, где ты стиль эпистолярный?
Где вы, альбомы, дневники?
Чисты листы, как ледники
В стране стогоградуснополярной.
Письмо начать бы – от руки! –
По-пушкински: «...мой друг бесценный!...» [Кашежева 2014: 105].*

Инна Кашежева всей своей поэтической душой тянется к эпохе аристократизма и великодушия:

*Холст дороги отбелен,
Кучер холоду рад...
Едет с Ниной Арбенин
На бал-маскарад.
Тех, кто гибнет невинно
Даже правнукам жаль...
Смерть придет к тебе, Нина,
Баронессою Штраль [Кашежева 2014: 130].*

В стихотворении «Настроение» она прямо говорит о своем пристрастии к минувшим эпохам:

*Живет во мне минувшее,
Глядит во все глаза.
Живу, все время слушая
немые голоса.
Повсюду, что ни делаю,
Я их в себе ношу,
И над бумагой белою
Свой карандаш крошу [Кашежева 2014: 132].*

И хотя ее часто называют поэтом-песенником, звездой эстрадной поэзии, она – тонкий лирик, прежде всего. Возвышенная лирика, точность метафоры, – вот что отличает поэзию Инны Кашежевой. Горы, луга, нескошенная трава, дожди и снега, старый сад, чей-то портрет, – все имеет душевные признаки в поэзии Кашежевой:

*О где те вешние луга
Без гроз и без прикрас
И то, как вольтова дуга,
Касанье губ и глаз?
.....
Где тот обманчивый дурман
Некошеной травы,
Который веру даровал
В бессмертие любви? [Кашежева 2014: 134].*

Поэтесса словно вдохнула живую человеческую душу в природу:

*Сад в дождь склонил свое лицо –
Спасительная влага...
И разлиновано крыльцо,
Как детская бумага [Кашежева 2014: 142].*

Инна Кашежева остро переживала сюрпризы, которое преподносило время, совпавшее с личными трагедиями в ее жизни – смертью родителей, автокатастрофой, в которой сломала себе ноги, с потерей близких... О личных трагедиях и потерях Инна писала в начале 70-х в стихотворении «А прошел всего лишь год»:

*А прошел всего лишь год.
Целый год без этих гор!
.....
Как же это? До сих пор...
Жить без них, любить без них...
Но без них и мир – безлик.

Календарь, ты мой палач.
Слышишь стоголосый плач?
Все дни года голосят,
Ровно триста шестьдесят.
А прошел всего лишь год.
Целый год моих невзгод,
Неудач, печалей, ссор,
Потому что все – без гор! [Кашежева 2014: 47].*

Как пишет Владислав Сибирцев, Инна Кашежева как-то сказала: «Когда умирает поэт, остается вдова. Она, если баба стоящая, все написанное им соберет, постарается издать, выколотит из друзей воспоминания. Когда умирает поэтесса, муж, даже если он был, заниматься этим не будет. Поэтому надо писать

о поэтессах...». Верная своим словам, Инна Кашежева писала – о Юлии Друниной, о Светлане Кузнецовой, Антонине Баевой. А вот о ней практически не пишут. Ветшают в библиотеках неоцифрованные сборники, истлевают в альбомах редкие фотографии. Душа в заветной лире пережила прах и – хочется верить, убежит тления. Потому что мы помним!

*Мы пробивались сквозь табу,
Искали черный ход,
Чтоб превратить ее, толпу,
Опять в родной народ.
Мы поднимались в небеса,
Парили в облаках...
Остались наши голоса
Навеки в Лужниках» [Сибирцев 2015].*

Уже в конце 60-х годов Инна Кашежева обрела свой путь в поэзии, единственный и верный. С детских лет влюбилась в горы, в родину отца, и этот мотив любви отразился ярко в ее поэзии. Любовь – это особенный воздух родины, без которого не жить и не дышать. Как пишет О. Дерико, «Девушка-полукровка, житель мегаполиса, Москвы, остро чувствовала глубокое, коренное родство с Кавказом, Кабардой, горами. Инна ощущала его своим домом. Таким, где любят, ждут, согреют, пожалеют, ободрят, который невозможно оторвать от души:

*Если вдруг в снегу утопну я
На дороге в два следа,
Распахнешь ты бурку теплую
И согреешь, Кабарда!*

* * *

*О родина отца, о родина моя!
О вечная и сладкая та боль.*

Когда сердце в Москве, а душа в Кабарде, когда мучительно осмысливается жизнь на две родины и два мира, рождается настоящее:

*А в моей Кабарде жара
А в Москве у меня дожди...
Ты отважься и из вчера
В свой сегодняшний день гляди.
На Эльбрусе лежат снега,
Над Москвой плывут облака...
Горы вечно во мне болят,
Город вечно во мне живет [Дерико 2012].*

В середине 70-х годов она перестала быть эстрадным поэтом, просто песенником, и стала настоящей лирической поэтессой.

В конце 1980-х годов Инна Кашежева впала в глубокую депрессию и сознательно отошла от литературной среды.

Источники и литература

1. *Инна Кашежева*. Избранное. Нальчик: Эльбрус, 2014.
2. *Лотман Ю. М.* Современность между Востоком и Западом // Знамя. 1997. № 9. С. 157–162.

3. Дерико О. Инна Кашежева. Время вслух // <http://fond-adygi.ru/page/inna-kashezheva-vremja-vsluh> (Дата доступа: 07.03.2012).
4. Сибирцев В. Незаходящее солнце Инны Кашежевой // Федеральный журнал «Горец» // <https://gorets-media.ru/page/inna-kashezheva> (Дата доступа: 20.12.2015).
5. Смирнова Н. Свой – хоть однажды! – но Машук! // https://45parallel.net/inna_kashezheva/ (Дата доступа: 21.05.2016).

IDEOLOGICAL AND AESTHETIC PARADIGMS OF INNA KASHEZHEVA'S POETRY DURING THE «THAW»

Alkhasova Svetlana Mikhailovna, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Literature Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alkhas55@mail.ru

The purpose of the article is to study the stages of development of the creative path of Inna Kashezheva in the context of the trends in Russian literature in the mid-50s and late 60s. XX century, the era of the «thaw» and its subsequent stages. The issues of the development of the poet's creativity in the artistic and aesthetic dimension and its connection with the traditional symbols of the peoples of the Caucasus are considered. It is emphasized that as a result of the events in Prague in 1968 («Prague Spring»), the romantic hopes of a new generation of Russian poets disappeared in the late 1960s and early 1970s; for many cultural figures, these events became their personal tragedy and put an end to the «thaw» euphoria. The problem of social and spiritual needs of the era at the turn of the 50–60s is raised. and their refractions in art and literature.

It is shown that the poets of the «sixties» in their work loudly declared about the spiritual awakening of Russia, about the revival of the traditions of the «Silver Age» in Russian culture. For the first time, the article defines the main motives and ideological and artistic features of the poetry of Inna Kashezheva.

Keywords: Inna Kashezheva, lyric poet, period of «thaw», ideas of time, aesthetic consciousness, literary process.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-63-68